

Николай Волковский

111 бак

для журналистов

ПИТЕР®

Николай Волковский

111 бак для журналистов

«Питер»

2013

УДК 76.12
ББК 070.4

Волковский Н. Л.

111 баек для журналистов / Н. Л. Волковский — «Питер», 2013

В изящной занимательной форме изложены ключевые вопросы журналистики. Описаны сто одиннадцать ситуаций (мифы, притчи, были и т. д.).

К каждой ситуации дан соответствующий комментарий в виде краткого психологического анализа, а также указана область применения. Книга предназначена для профессиональных журналистов, а также студентов вузовских факультетов соответствующего профиля.

УДК 76.12
ББК 070.4

© Волковский Н. Л., 2013
© Питер, 2013

Содержание

Предисловие	6
Каталог баек	7
№ 1. Байка «Урок мастера»	7
№ 2. Байка «Газета “Накануне” как секретная операция»	8
№ 3. Байка «1950-е годы: что могло последовать за обнаружением ошибки...»	10
№ 4. Байка «Тайная деятельность Даниэля Дефо»	11
№ 5. Байка «Книжные торгаши покупают ученый товар...»	12
№ 6. Байка «...Не могу сладить с отставным армейским поручиком!»	13
№ 7. Байка «Не имеем права вредить другому человеку»	14
№ 8. Байка «В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!»	16
№ 9. Байка «Заочное интервью»	17
№ 10. Байка «Репортер никогда не принадлежит себе...»	20
№ 11. Байка «Диссертация М. В. Ломоносова о должности журналистов»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Волковский

111 баек для журналистов

© ООО Издательство «Питер», 2014

* * *

Предисловие

Основой этой книги являются журналистские байки, которыми автор иллюстрирует ситуации, обсуждаемые на его лекциях на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Вообще что такое «байки»? Словари русского языка трактуют их как «короткие занимательные рассказы». В данном случае – из истории и современной жизни прессы. Это позволяет не только понять эволюцию журналистской профессии, проблемы творчества и технологии выпуска изданий, но часто дает неоценимый практический опыт. Основное внимание в байках уделено психологическим аспектам. Ведь работа журналиста требует от человека высокой степени рефлексии: самоанализа собственного психического состояния, критической оценки мыслительного процесса, отражения личности.

Многие короткие истории взяты из жизни известных журналистов – В. Немировича-Данченко, В. Короленко, В. Дорошевича, К. Симонова, Т. Тэсс, А. Аджубея, Я. Голованова, братьев Анатолия и Валерия Аграновских и многих других. Они раскрывают профессиональные и психологические моменты деятельности мастеров пера. Некоторые байки отражают современные феномены СМИ. Их оценка и научный комментарий имеют большое практическое значение. Речь идет о таких вопросах, как освещение в прессе экстремальных ситуаций, ее влияние на эмоциональное состояние аудитории, формирование общественного мнения и т. п. Кроме того, в байках и комментариях к ним дан портрет потребителей информации, показано, что влияет на стратегию выбора конкретных передач, а также результат и эффект от их просмотра.

Книга будет интересна и полезна работникам СМИ и тем, кто профессионально изучает проблемы средств массовой информации и коммуникаций.

Каталог баек

№ 1. Байка «Урок мастера»

Анатолий Абрамович Аграновский часто вспоминал урок, который ему в годы молодости преподавал писатель Александр Альфредович Бек.

Александр Альфредович – великолепный собеседник и профессионал. Вместе с ним я однажды попал в гости к известному авиаконструктору. Он принял нас в своем кабинете, одетый в генеральский мундир и при своем же мраморном бюсте. Признаюсь, я оробел. А Бек буквально в течение трех минут заставил конструктора стать самим собой. Он спросил, кивая на бюст:

– Кто вас делал? Виленский?

(Потом я узнал: Бек заранее узнал, что в кабинете есть бюст, и выяснил имя его автора.)

Конструктор подтвердил. Бек посмотрел на него и перевел взгляд на бюст, сравнивая оригинал с копией. Наконец сказал:

– Это ведь было трудно... Соединить высокий интеллектуальный лоб с простонародной курносостью и безвольным подбородком. В общем, получилось.

После этих слов конструктор мгновенно превратился из генерала в обычного человека, который запросто говорил с нами о жизни.

Мораль. Опытные журналисты умеют приспосабливаться к особенностям своих собеседников. Их молодым коллегам полезно перенимать такое мастерство.

Комментарий. Каждое интервью – уникальный, не имеющий аналогов акт коммуникации, а каждый собеседник – индивидуальность, требующая оригинального контекста разговора и своих, неповторимых «ключиков» и подходов.

Диапазон применения байки. При изучении психологии интервью со знаменитостями.

№ 2. Байка «Газета “Накануне” как секретная операция»

В начале 1920-х годов с приходом новой экономической политики возникло сменовеховство – общественно-политическое движение интеллигенции (главным образом эмигрантской). Свое имя оно получило от названия собственного печатного органа – журнала «Смена вех», который издавался в Париже в 1921–1922 годах. Идеологи сменовеховства (Н. В. Устрялов и другие) надеялись на возврат к капитализму и перерождение советской власти, призывали интеллигенцию объединиться с новой буржуазией и сотрудничать с Советами. Для большевиков сменовеховцы были инакомыслящими, а значит – врагами. Ленин говорил: «Пусть они вместо открытой враждебной работы занимаются самоублажением и строят иллюзии. Нам это выгодно». Сталин так комментировал утверждение Устрялова о неизбежной эволюции большевизма: «...Пусть знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу».

Постепенно советская власть начала тайно финансировать сменовеховство, в открытых выступлениях продолжая его критиковать и стремясь нацелить на поддержку внешней и внутренней политики новой России. Была принята целая программа, даже решили выделить средства на организацию якобы независимой сменовеховской газеты «Накануне». Ее первый номер увидел свет в Берлине 26 марта 1922 года. В это время шла подготовка к Генуэзской конференции. По замыслу организаторов газете предстояло воздействовать на общественное мнение как бы от имени российской эмиграции, поддерживающей позицию советской делегации. Уже в первом номере в передовице прозвучало: «Мы *накануне* дня всеобщего примирения» – отсюда и название газеты. «Накануне» выступала за признание Советской России и ее равноправие в международных отношениях, за развитие экономического сотрудничества и торговых связей. К работе привлекли известных в эмигрантской среде ученых и публицистов.

В газете из номера в номер печатались статьи типа «Перед Генуей», «Накануне Генуи», а затем «Дневник Генуэзской конференции». Информация о международной жизни в ней преобладала. И все – в благожелательном для советского государства тоне: поддерживались дипломатические шаги российского руководства, осуждались проявления враждебности со стороны политических деятелей западных стран и т. п. Постоянной темой «Накануне» являлась жизнь белой эмиграции и полемика с ее прессой. Газета показывала изолированность и бесперспективность эмиграции, постоянные раздоры внутри нее и утверждала, что сообщения из России в эмигрантской печати неточны и тенденциозны; перепечатывались опровержения из советских газет. И конечно, призывала «сменить вехи», сотрудничать с новой властью, вернуться на родину. Зарубежному читателю были адресованы сообщения о жизни страны, в которых говорилось о последствиях войны – разрухе и голоде. При этом упор делался на восстановление хозяйства и новые возможности для специалистов. В целом, несмотря на отдельные выступления либерального характера, газета занимала явно просоветские позиции, что неудивительно для СМИ, работавшего под контролем берлинского полпредства и Москвы. Понятно, что авторитетом за рубежом газета не пользовалась. Эмигранты открыто называли ее «предательской», «изменнической» и т. д.

Несмотря на коммерческую деятельность – на базе газеты зарегистрировали АО «Накануне», которое выпускало брошюры и книги, имело типографию, отделы кино и рекламы, – доходы общества лишь частично покрывали «неизбежный дефицит». Фактически газета находилась на содержании у Советов: в марте 1922 года Политбюро выделило на ее издание 1 млн германских марок; в июне того же года – еще 1 млн; в мае 1923 года ассигновали \$5000; 24 января 1924 года – уже \$15 000; 14 февраля того же года – \$10 000; 6 марта 1924 года – целых \$27 500. А в стране тогда свирепствовал голод и советская печать была на грани кризиса.

Последний номер «Накануне» вышел 15 июня 1924 года.

Мораль. В зависимости от идеологических позиций, историю газеты «Накануне» оценивают по-разному: как политическую интригу, провокацию и эффективную информационно-психологическую операцию, направленную на формирование общественного мнения в поддержку Советов в преддверии Генуэзской конференции.

Комментарий. Подшивки газеты «Накануне» долгое время лежали в спецхранах библиотек, а архивные документы были засекречены. Но газета упоминалась:

- в работе С. А. Федюкина «Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу» (М., 1877);
- в книге А. В. Блюма «За кулисами «министерства правды»» (СПб., 1994);
- в воспоминаниях бывшего сотрудника московского отделения газеты Эмилия Миндлина «Необыкновенные собеседники» (М., 1968);
- в записках других журналистов.

Первое исследование по материалам рассекреченных архивов ЦК КПСС о газете «Накануне» осуществил профессор СПбГУ В. Н. Козлов. Оно было опубликовано в № 5 журнала «Звезда» за 1997 год.

Диапазон применения байки. При обсуждении исторических аспектов теории и практики информационно-психологического воздействия, проблем истории СМИ.

№ 3. Байка «1950-е годы: что могло последовать за обнаружением ошибки...»

Из воспоминаний журналиста А. И. Волкова (Опасная профессия. – М., 2003) о дежурстве в редакции и выпуске номера областной газеты в начале 1950-х:

«...Сто раз останавливается глаз на фамилии вождя не только в заголовках, но и в тексте. В сто первый дежурного прошибает пот. Напечатано: “истерическая речь товарища И. В. Сталина”. Ясно, что ошибка всего в одной букве – “е” вместо “о”... Не нужно было долго думать, что последует за такой ошибочкой. Для забывших все это или по молодости не знающих скажу: снятие с работы, исключение из партии и арест, как минимум, ответственного редактора газеты; скорее всего, и его замов, всех дежурных, уж точно – корректоров, линотиписта и Бог знает кого еще. Редакция будет просто разгромлена. Это же не ошибка, а чья-то враждебная вылазка и попустительство, а то и заговор. Заговоры же любили больше всего.

Что делать дежурному? Указать на ошибку и поправить? Ну, нет! Все тут же станет известно “органам”, и никто никого, даже бдительного дежурного, уже не спасет. Решение есть только одно, и оно срочно принимается. Вызван из типографии выпускающий, ему – указание без особых объяснений: перебрать подвальную статью заново и целиком (для маскировки совсем в других местах сделано несколько исправлений). Отлитые стереотипы предлагается разбить, матрицы уничтожить, а отпечатанную часть тиража – пока, слава Богу, небольшую – под нож.

Скандал: газета запаздывает, пойдет в рассыл не по графику, рабочие лишатся премии. Никто толком не может понять, в чем дело, но люди привычные и делают, что велят. Ну, а дежурному приходится изображать самодура. Это не очень сложно, если знаешь, что спасаешь жизнь многим, в том числе и себе самому. Не помню, что было придумано в оправдание перед начальством, но истину не узнал никто и по сию, кажется, пору...»

Мораль. Выпуск номера газеты в сталинские времена было не только ответственным, но и опасным делом.

Комментарий. Современному поколению журналистов трудно себе это представить. Сейчас нелепицы и ошибки на страницах печатной прессы, в аудио- и визуальных СМИ – почти норма. Небрежность перешла все границы, и под это даже подведена «теоретическая база»: мол, знать правила русского языка журналисту не обязательно, его дело – добыть информацию. Однако все это влияет на авторитет журналистики и уважение к ней аудитории.

Диапазон применения байки. При обсуждении особенностей профессии журналиста в прошлом и настоящем.

№ 4. Байка «Тайная деятельность Даниэля Дефо»

В 1704 году Даниэль Дефо, будущий автор «Робинзона Крузо», начал издавать собственную газету «Обозреватель», которая просуществовала девять лет. Вроде бы она являлась подспорьем для вигов (либералов, представлявших интересы буржуазии), но на самом деле финансировалась из королевской казны и служила отличным прикрытием для проведения в жизнь политики королевы Анны. В то время самой болевой точкой Англии была проблема шотландского сепаратизма. Поэтому с 1706 по 1714 год Дефо совершил 17 поездок в этот мятежный край, чтобы сформировать нужное общественное мнение. Писатель даже временно перенес в столицу Шотландии Эдинбург свой «Обозреватель», выпуская его два-три раза в неделю. Тайная деятельность Дефо не прошла даром: весной 1707 года парламент двух народов стал единым. Вот как сам автор описывал решаемые им задачи в письме к своему шефу, лорду Гарлею:

«1. Быть в курсе всего, что различные группировки предпринимают против нашей унии, и постараться нарушить их планы.

2. Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов переориентировать сознание людей на единение.

3. Опровергать в печати всякие выступления, порочащие идеи союза, самих англичан и английский двор во всем, что касается того же союза.

4. Устранять всевозможные подозрения и беспокойство людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви».

В письме от 26 апреля 1718 года Дефо писал заместителю государственного секретаря Сантерленду:

«С санкции правительства под видом переводчика иностранных новостей я вошел в редакцию еженедельной газеты некоего господина Миста, чтобы держать ее под скрытым контролем, не давая возможности наносить какой-либо ущерб. Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково мое истинное стремление. Благодаря такому же контролю с моей стороны еженедельный “Дневник” и “Дормерова почта”, а также “Политический Меркурий”, за вычетом отдельных промахов..., будут полностью обезврежены и лишены возможности нанести ущерб правительству».

Дефо писал полемические статьи в 26 газет и журналов самых разных направлений. Его публикации носили противоречивый характер. В одной газете он излагал свое мнение, в другой нападал на него, в третьей издевался над автором второй статьи и т. д.

Мораль. Журналистика издавна участвует в разрешении конфликтов.

Комментарий. Исследования последних лет показали, что информационно-психологические меры, применяемые для разрешения конфликтов, наиболее эффективны в мирной фазе их развития. Наибольшую результативность информация приносила, давая населению и войскам сведения о причинах и истинных целях конфликта; даже в рамках военной фазы. Далее по силе воздействия идут психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды, шовинистических, националистических и других деструктивных настроений. Во всех этих мероприятиях активно участвует журналистика.

Диапазон применения байки. При изучении особенностей применения журналистики в информационном сопровождении конфликтов.

№ 5. Байка «Книжные торгаши покупают ученый товар...»

Было время, когда литератор-дворянин с презрением относился к самой идее гонорара, переводящего «высокое вдохновение» в разряд примитивного коммерческого расчета. Сам термин «гонорар» происходит от латинского *honor* – честь. В античном мире деньгами оплачивался только физический, рабский труд. Труд же свободный и умственный вознаграждался почетными подарками. В русской литературной жизни гонорар появился в эпоху развития издательского дела как предпринимательства. В XVIII веке спросом преимущественно пользовались лубочные народные издания и переводные романы. Здесь и возник литературный гонорар. Профессиональные писатели того времени были разночинцами. Известно, что Николай Иванович Новиков поощрял студентов, семинаристов и даже церковнослужителей к упражнению в переводах, печатая их «своим иждивением и платя переводчикам с каждого печатного листа установленную цену». Писатели XVIII века, принадлежавшие к обеспеченному дворянскому сословию, почти не рассматривали литературный труд как средство к существованию. Для них он существовал только в античной интерпретации, как почетный подарок со стороны покровительствующего мецената, чаще всего – царствующего лица или вельможи, которому произведение посвящалось. Последний зачастую брал на себя и расходы по изданию. «Книжные торгаши покупают ученый товар, то есть переводы и сочинения, на вес, приговаривая бедным авторам: “Не качество, а количество, не слог, а число листов”, – писал в начале XIX века Батюшков. В это же время вслед за переводчиками гонорарные отношения захватывают и редакторов журналов. Например, за редактирование «Вестника Европы» Карамзин получал от издателя 2000 руб. в год (сами статьи тогда еще не оплачивались).

Мораль. В первой четверти XIX века писатели-дворяне начинают привыкать к мысли, что литературная деятельность может давать доход. Первыми «альманашниками», которые ввели авторский гонорар, были декабристы Рылеев и Бестужев («Полярная звезда»). Это нововведение стало сенсацией. По словам Н. Греча, большинство еще считало гонорар «вещью не то чтоб неблагородною или непозволительною, а как-то неловкою трудиться по наукам или словесности из платы». В 1826 году с удивлением восприняли объявление Погодина о гонораре в сто рублей за лист для сотрудников «Московского вестника».

Комментарий. 1830-е годы в истории русской литературы и журналистики В. Г. Белинский назвал «смирдинским периодом». Его основная черта – проникновение в данную сферу денежных отношений. Издатель и успешный книготорговец А. Ф. Смирдин впервые ввел твердые расценки: для обычных авторов – 200 рублей за лист, для известных писателей – 1000 и более. Это позволило прийти в журналистику тем, кто не имел средств к существованию. То есть введение гонорара, с одной стороны, создало условия для демократизации литературы и журналистики, а с другой – способствовало профессионализации писательского и журналистского труда. Вместе с тем для многих издателей и авторов гонорар стал средством не существования, а обогащения: они пишут и печатают, думая не о просвещении и воспитании читателей, а о личной материальной выгоде.

Диапазон применения байки. При изучении истории и психологии журналистики.

№ 6. Байка «...Не могу сладить с отставным армейским поручиком!»

Выйдя в отставку в чине армейского поручика, известный общественный деятель Николай Иванович Новиков посвятил себя изданию сатирических журналов «Трутень» и «Живописец». В них он критиковал злоупотребления помещиков, всеобщую галломанию и нравы при дворе, порой даже вступал в полемику с издаваемым Екатериной II журналом «Всякая всячина». Стареющая Семирамида Севера болезненно воспринимала уколы Новикова. Чтение «Живописца» не раз доводило ее до слез. «Что я им сделала? За что они на меня нападают?» – восклицала императрица. Сначала на выпады Новикова Екатерина отвечала как писательница: ее перу принадлежат комедии «Обманщик», «Обольщенный», «Шаман Сибирский». Но потом их отношения перешли в политическую плоскость. Последовали услужливые доносы на Новикова и обвинения его в «гнусных обманах», масонской деятельности, сношениях с герцогом Брауншвейгским и великим князем Павлом Петровичем. Доказательств вины не было, и следствие двигалось медленно. Рассерженная императрица в сердцах как-то сказала генерал-губернатору Архарову: «Я всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не могу сладить с отставным армейским поручиком!» Екатерина скромничала – еще до окончания следствия особым указом Новикова заключили под стражу в Шлиссельбургской крепости, где ему надлежало провести целых 15 лет. Это приговор поразил современников своей суровостью.

Мораль. Полемика Новикова и Екатерины II наиболее ярко отражает борьбу полярных концепций в журналистике того времени.

Комментарий. В новиковской концепции печати важное место отводится личности журналиста. В первом номере «Пустомели» под заглавием «То, что употребил я вместо предисловия» издатель формулирует требования к журналисту. По его словам, «чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических, и наконец, истинное о вещах понятие» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951). А в новиковском моральном кодексе журналиста сверх того названы: критический талант («Правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять»), отрицательное отношение к социальному злу, общественная активность («Нет ничего, что бы не было подвержено критике») и «вмешательство» журналиста в политические дела. Таким образом, Новиков не сводит деятельность журналиста к простому распространению знаний. Он видит его назначение в критическом изучении действительности и ее исправлении.

Екатерина II составила собственный свод правил, обязанностей и личных качеств сочинителя. По ее мнению, журналист должен, прежде всего, пылать любовью и верностью к государю. С этих позиций она и определяет его личные качества: красота души, непорочность, добродетельность, добронравие, миролюбие. «Добросердечный сочинитель, – пишет она, – во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбит человечества,ставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова». (Русская проза XVII века. М.; Л., 1950. Т.1. С. 292.)

Диапазон применения байки. При изучении истории и психологии журналистики.

№ 7. Байка «Не имеем права вредить другому человеку»

В 1997 году Всеволод Богданов, председатель Союза журналистов России, во время беседы с Ясеном Засурским, президентом факультета журналистики МГУ, рассказал такую историю: *«Вспоминаю период работы в “Советской России” начала 80-х годов... Собкор газеты в одном из крупных сибирских городов написал материал об управляющем строительным трестом, которого он поймал на нечистоплотности, злоупотреблении служебным положением. Корреспондент принес ему статью и сказал: “Вот, почитайте, этот материал я отправил в Москву, в газету”. Управляющий прочитал и говорит: “Если этот материал напечатают, я буду вынужден себя убить”. Журналист говорит: “Погодите, вы мне скажите – здесь что-то искажено?” – “Нет, ты написал правду”. На другой день материал напечатали в газете. И этот человек покончил с собой. А он был достаточно известен и имел авторитет в регионе как строитель и руководитель. Более того – любимым другом секретаря обкома партии. Корреспондент был вынужден срочно покинуть город...»*

Столько лет прошло, а я помню весь трагизм той ситуации. Ничто не остановило нашего коллегу – он поступил так, как ему велела совесть». (Власть, зеркало или служанка. М., 1997. С. 15–16.)

Прочитав эту историю, невольно вспомнился похожий случай, о котором рассказывал корреспондент «Литературной газеты» Юрий Щекочихин:

«Никогда не позабуду глаза знакомого, которому сообщили по телефону, что герой его фельетона бросился с четвертого этажа и, к счастью, остался жив. Это было давно, очень давно, но осталось в памяти, как мало что остается.

...Пройдет много лет, я сменю уже третью газету, и в далеком сибирском городе в номер гостиницы, где я жил, в самый последний день командировки постучится, а потом аккуратно войдет человек в строгом костюме и при галстуке под цвет, дымчатых очках и скажет, выжидательно остановившись на пороге: “Если вы напишете про меня, я покончу жизнь самоубийством. Это я вам обещаю”.

Я провел в этом городе десять дней, изучая преступления, совершенные человеком в дымчатых очках; встречался с множеством людей, буквально ходил по его следам. Но когда он войдет в номер гостиницы, остановится на пороге и скажет эти слова, у меня ёкнет сердце – близко, как будто все было вчера, окажутся ошарашенные глаза приятеля, телефонная трубка в его руке и недоуменно трагическое “Не может быть!”. Это невозможно забыть.

Материал о человеке в дымчатых очках в газете так и не появился, но не потому, что я испугался и пожалел его, не потому, что одна трагическая фраза перевернула мой взгляд на мир. Ничего не перевернулось, и жалко его не стало. Просто по-иному сложились газетные обстоятельства: ведь только студент факультета журналистики уверен, что каждая командировка заканчивается публикацией. Тот драматический эпизод из журналистской юности вспомнился мне, когда человек в дымчатых очках произнес свою многозначительную фразу, скорее по ассоциации, чем по делу. И не потому, что чувства огрубели (хотя, наверное, и огрубели) с тех пор, как мы были мальчишками и не могли оценить разницу в силе строки, написанной от руки, и строки, появившейся в газете. Просто герою того давнего фельетона моего приятеля, имевшего трагическое продолжение,

было всего шестнадцать лет, и высмеивался он за то, что, желая прославиться, прислал в газету стихи, до него уже кем-то написанные...

Подобную разницу в отношении к своим героям понимаешь не сразу. Но в конце концов понимаешь.

Ведь то, что для человека взрослого и научившегося принимать защитную стойку при атаке житейских невзгод обернется обычной пощечиной – неприятной и ранящей душу, но со временем излечимой (в том и заключается спасительная прелесть так называемого жизненного опыта), – для подростка может стать нокаутом».

(Щекочихин Ю. Право на инкогнито // Журналист, 1983. С. 56–57.)

Мораль. Всегда ли журналист задумывается о силе печатного слова, о том, кто и в каком случае имеет право на снисхождение?

Комментарий. Юрий Щекочихин размышлял на эту тему так:

«Человек приходит к своим ошибкам по-разному, и разное скрывается за дымчатыми стеклами очков, скрывающими выражение лица и глаза: может, там непролазная тьма, а может, наоборот, душевный стыд и больная совесть. Попробуй разберись... Ведь в нашем распоряжении есть блокноты, авторучки, в редакциях побогаче – диктофоны, но нет лакмусовой бумажки, с помощью которой можно оценить проступок человека и сразу понять, кто перед нами. Нет эталонов. Не положены они в нашей профессии, и потому каждый раз приходится решать по-новому, склонившись над столом, похожим скорее на операционный, чем на письменный.

...Помню, однажды, очень давно, когда я только начинал свою журналистскую жизнь, услышал: “Мы как врачи. Тоже не имеем права вредить другому человеку. Закон есть такой”».

Диапазон применения байки. При обсуждении этико-психологических проблем журналистской деятельности.

№ 8. Байка «В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!»

В начале XX века журналистка Ида Тарбелл изобразила Рокфеллера беспощадным капиталистом, не брезгующим никакими средствами для завоевания рынка. Статьи Тарбелл, напечатанные в «McClure's Magazine», сделали мультимиллионера одной из самых ненавидимых личностей в истории США, о чем свидетельствуют сатирические карикатуры и газетные статьи того периода. Несколько лет спустя Рокфеллер нанял эксперта по связям с общественностью Айви Ли, чтобы восстановить свое доброе имя. Та обратила внимание прессы и читателей на благотворительную деятельность своего клиента и создала образ благодушного старичка, что вернуло акуле капитализма утраченные симпатии широкой публики.

Мораль. В руках СМИ – жизнь и смерть человеческая!

Комментарий. Эта история показывает роль и силу влияния СМИ на общественное мнение в изменении имиджа бизнесмена.

Диапазон применения байки. При изучении истории информационно-психологического воздействия СМИ.

№ 9. Байка «Заочное интервью»

Французский журналист и писатель Морис Декобра в книге «Один час моей карьеры» пишет:

«У меня еще живо в памяти кредо одного известного репортера, моего приятеля, весьма симпатичного нью-йоркского джентльмена, с которым я к тому же связан самой искренней дружбой. Это молодец, для которого не существует препятствий, и который проинтервьюировал бы самого Господа Бога, если бы небо соединялось с землей беспроводным телеграфом».

Этот американский репортер уверял Мориса Декобра:

«Моими лучшими интервью и сенсационными беседами с великими людьми были те, которые я сочинил до того, как их посетить, или до их отказа разговаривать со мной».

К сожалению, «заочные» интервью еще нередко встречаются в практике корреспондентов. Почему такое случается? Журналисты В. Басков и А. Рубинов поведали историю о том, как они пытались взять интервью у любимого артиста, который несколько раз откладывал встречу, а затем прямо от нее отказался, объяснив, что выговорился, все рассказал о себе и ничего нового больше нет... (Журналист. – 1983, № 7. – С. 19–20.) Корреспонденты отступили перед этим неожиданным признанием, но оно же дало им мысль прочитать все, что любимый артист говорил ранее их счастливым соперникам из других газет. И вот что они рассказали:

«Наш любимец оказался прав. Мы убедились в этом в библиотеке, листая подшивки. Вскоре мы действительно знали о нем все! И даже больше... Сопоставив то, что актер рассказал о себе, удалось выяснить биографию нескольких людей с весьма схожей судьбой.

“Я рос без отца. Он умер, когда мне был месяц...” – рассказал он журналисту из “Литературной России”.

“...Отец умер, когда мне было всего два месяца...” – поведал читателям газеты “Ленинское знамя”.

“...По настоянию родителей после школы я поступил в медицинское училище...” – сообщил несостоявшийся собеседник поклонникам “Магнитогорского рабочего”. А мы порадовались – не тому, что родители не распознали влечения отрока, а тому, что у отрока, оказывается, родители были, причем оба – мама и папа.

“...Отец был деканом исторического факультета, – рассказал артист читателям газеты “Молодежь Грузии”, которые, возможно, не видели “Литературную Россию” и потому не радовались вместе с нами воскрешению отца. – *“Позднее отец стал директором института”. Позднее чего – рождения сына? Но до того, как младенцу исполнился месяц? Или два?*

Но что мы все время говорим о папе! Как и у всех людей, у актера была мама. “Мама преподавала французский язык”, – рассказал он читателям одного города. – *Будучи образованной женщиной, она, однако, считала (и сказала, очевидно, по-русски), что сначала надо получить серьезную профессию – “Мама в глубине души, видимо, надеялась, что” увлечение юности “со временем пройдет”,* – рассказывал впоследствии ее сын.

Мы так счастливы, что мама ошиблась! А могло быть иначе, поскольку послушный сын “не стал сопротивляться ее предложению и после восьми классов поступил в училище” – медицинское. Действительно, туда можно поступить и после восьми классов, не закончив среднюю школу.

Но позвольте, тогда что это: “После школы я поступил в медицинское училище”? Так было сказано поклонникам из другого города. Разве не после восьми классов? Очевидно, все-таки после десяти. Читатели же третьего города и поныне убеждены, что актер поступил не в училище, а в институт. Актер сказал, что “проучился два курса в Медицинском инсти-

туте и ушел – не выдержал! – в Театральное училище имени Щукина”. Вот видите, а мы сомневались: восемь или десять классов?! В Театральное училище имени Щукина и в Медицинский институт принимают именно “после школы”.

Спустя год после этого интервью знаменитый актер, вспоминая далекую юность, про медицинский институт забыл: “Сначала я закончил среднее медицинское учебное заведение и два года работал фельдшером на «Скорой помощи», – на склоне прекрасного дня узнали жители грузинской столицы из своей “Вечерки”.

А другим прекрасным утром молодые читатели комсомольской газеты Донбасса выяснили, что всеми нами любимый артист “после окончания школы решил поступить в Высшее театральное училище имени Щукина при Театре имени Вахтангова. Однако поступил туда лишь со второго раза. А между первым и вторым «заходами» работал на «Скорой помощи» медбратом”.

Позвольте! Всего месяц назад однажды утром из другой местной молодежной газеты в Грузии стало известно, что он “почти два года работал фельдшером «Скорой помощи”.

Извините, пожалуйста, за назойливость, но все-таки медбратом или фельдшером? Как говорят, но не пишут в газетах – это две большие разницы.

Листая газеты в Библиотеке имени Ленина, мы основательно изучили несколько вариантов детства, отрочества, а также юности нашего любимого актера. Много занятного выяснилось и о зрелых годах...

Получилось, что мы все-таки взяли – заочно – интервью у актера, который так не хотел его давать».

Мораль. Кто виноват в нестыковках опубликованной информации: артист или журналисты?

Комментарий. Историю прокомментировал А. Шпикалов:

«Любимый артист отказался дать интервью и тем самым вызвал раздражение газетчиков. На этот раз он столкнулся не с рядовыми интервьюерами, от которых неоднократно ускользал на периферии, и не с шустрыми внештатниками из молодежных газет, а с маститыми зубрами, которые не прощают непочтительного отношения ни к своей газете, ни к своей персоне. И вот авторы ловят “любимого” на одной детали в прежних, часто давнишних интервью, потом на другой...

Жаль, конечно, что нет возможности устроить очную ставку участникам этих интервью. Зачем? Чтобы, во-первых, защитить читателя от неточностей в газетной информации. И чтобы, во-вторых, защитить артиста от безответственных интервьюеров. От этих малосодержательных интервью, составленных по принципу: раз “звезда”, должна быть и “клубничка”. Так и появляются весьма сомнительные подробности. Ведь не на “Скорой помощи” шлифуется драматический или комический дар артиста. А наша действительность такова, что совсем не от наличия или отсутствия родителей или от их общественного положения зависит профессия человека, будь он инженер или журналист, агроном или артист. Об этом лишний раз говорит и судьба этого человека: учеба в медучилище не помешала ему стать известнейшим актером известнейшего театра.

Зная, как боятся популярные актеры незнакомых журналистов, позволим предположить: что-то неладно в нашей работе. То ли такта не хватает, то ли умения. Ведь многие люди искусства боятся нас, как кривого зеркала.

А что если манера задавать не очень умные вопросы вызовет ответную реакцию, и актер, особенно если он – человек с юмором, ответит в духе героя И. Ильинского из фильма “Праздник святого Йоргена”: “Когда я был маленьким, мама уронила меня с тринадцатого этажа”? Неужели это и печатать?

Есть маленькая журналистская хитрость – записывать слова актера во время его выступления перед зрителями где-нибудь во Дворце культуры, кинотеатре или Доме отдыха.

И труд полегче, и пороги обивать не надо. Но не стоит забывать, что такие выступления рассчитаны на определенную аудиторию, и подчас это актерская игра, особый жанр, поэтому использовать их для документальной публикации без тщательной проверки опасно. Сначала идет его импровизация, потом – твоя, а газета – документ, и мы, ее работники, несем всю полноту ответственности за правильность этого документа, а не наши герои.

Чтобы прояснить ситуацию, мы решили позвонить “звезде”. Оказалось, что о большинстве “своих” интервью актер даже не подозревал. “Делались” они и впрямь заочно, надо полагать, во время встреч со зрителями.

– Да, – с грустью свидетельствовал артист, – отец умер, когда мне не было и двух месяцев. (Вот вам первая возможность для разночтения, если записываешь на слух. Один услышит “два месяца”, другой – всего один.)

– Да, – подтвердил он, – родственники были против моих актерских устремлений и настаивали на медицинском образовании. (А у кого-то родственники превратились в родителей.)

И так далее.

Не страшно, если будущие театроведы, вороша старые газеты, слегка потрудятся, разбираясь в том, что артист рассказал, а авторы понаписали. Это участь всех исследователей прошлого. Хуже, если по этим интервью они будут судить об уровне нашей журналистской работы вообще». (Журналист. 1983, № 7.С. 19–20.)

Диапазон применения байки. При обсуждении проблем этики журналиста, его ответственности за подготовленную информацию.

№ 10. Байка «Репортер никогда не принадлежит себе...»

Александр Павлович Чехов еще во время учебы на физико-математическом факультете Московского университета начал печататься в журналах и немало содействовал брату – Антону Павловичу Чехову – в публикации его первых литературных опытов. С прессой Александр Чехов не порывал до конца жизни: он писал очерки и рассказы, повести и публицистические статьи, репортажи и научно-популярные брошюры; редактировал несколько журналов. В 1907 году в журнале «Исторический вестник» были опубликованы его «Записки репортера», в которых он, переживая прошлое, рассуждал о профессии журналиста, рассказывал о тех сторонах событий, о которых когда-то не мог писать в официальной хронике.

«...Жизнь и работа хроникеров, или, как их принято называть – репортеров – одна из тех особых жизней, которые не укладываются в определенные рамки. Самым лучшим эпиграфом здесь можно поставить изречение: “Невесте... ни дне, ни часа”... Сон, обед, отдых, работа – все зависит от случая и события. Репортер никогда не принадлежит себе и не может сказать семье, когда он возвратится домой. Чтобы с успехом заниматься репортажем, надо быть молодым, крепким, выносливым и от природы энергичным, сообразительным, находчивым человеком. Нужно быть везде первым, обладать чутьем и умением быстро ориентироваться. Без этих качеств репортер – простой ремесленник, не застрахованный от неудач и ошибок. Читатель, пробегая глазами газету, даже не подозревает, сколько иной раз труда, усилий и энергии потратил репортер, чтобы дать в газету каких-нибудь 15–20 строк. Приведу пример из собственного опыта.

Лет пятнадцать тому назад, в разгар моей репортерской службы, зимой, часов в восемь вечера, сидя благодушно с семьей за чашкой чая, я получил из редакции лаконичную записку: “Публика где-то слышала взрыв. Узнайте”. Неопределенное такого распоряжения для обыкновенного смертного, кажется, ничего не может быть. Но для репортера такое уведомление – находка. Оставив чай недопитым, я немедленно оделся и отправился на поиски, а к десяти с половиною часам того же вечера уже доставил в редакцию точные известия о том, что на Болотной улице, на таком-то заводе из-за неосторожного обращения с огнем произошел взрыв газового резервуара. Происшествие было описано точно и подробно. И это не особенная заслуга с моей стороны. Репортеры других газет точно так же добыли на месте эти сведения и описали взрыв с не меньшей добросовестностью...»

Мораль. Журналистская деятельность подобна службе: корреспондент должен быть готов в любое время выехать на место событий и передать в редакцию точные и подробные известия о нем.

Комментарий. Александр Чехов рассказал об одном обыденном эпизоде своей репортерской работы. Профессионализм он понимал как стремление своевременно преподнести правдивую информацию, которая формирует доверие граждан к журналистике.

Диапазон применения байки. Во время освоения профессии журналиста, а также при обсуждении профессиональных качеств репортера.

№ 11. Байка «Диссертация М. В. Ломоносова о должности журналистов»

В 1752 году в лейпцигском научном журнале была опубликована статья с несправедливой критикой в адрес сразу нескольких важных работ российского академика Ломоносова, в том числе «Размышлений о причине теплоты и холода». В ответ Михаил Васильевич написал статью «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии».

«Диссертация о должности журналистов» – так назвал Ломоносов эту статью в отчете о своих трудах за 1755 год – была написана на латыни. Михаил Васильевич послал ее в Берлинскую академию наук Леонарду Эйлеру вместе с просьбой устроить публичное обсуждение своих поруганных диссертаций.

«Предложение вашего высочородия о проведении вашей защиты путем диспута в каком-либо университете я бы затруднился осуществить, – ответил Эйлер. – И такой диспут, как и большинство ему подобных, навсегда остался бы в неизвестности и не был бы отмечен никем из пишущих в журналах. Тем временем я передал статью нашему коллеге, г-ну профессору Формею, который мне почти пообещал вести ее защиту во французском журнале, что мне кажется единственным и лучшим путем».

Впервые «Рассуждение...» опубликовали в 1755 году на французском языке в выходившей в Амстердаме «Новой немецкой библиотеке, или Литературной истории Германии, Швейцарии и северных стран». Первый частичный перевод статьи на русский язык увидел свет в 1865 году.

Мораль. В своей статье М. В. Ломоносов писал:

«Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе. Лишь только было замечено, что философия, если ее не извлекут из этого состояния, рискует потерять весь свой авторитет, – образовались общества ученых и были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений и воздания должного каждому автору согласно строжайшим правилам естественного права. Вот откуда произошли как академии, так – равным образом – и объединения, ведающие изданием журналов. Первые – еще до того, как писания их членов выйдут в свет – подвергают их внимательному и строгому разбору, не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое – за новое. Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах.

Не к чему указывать здесь, сколько услуг наукам оказали академики своими усердными трудами и учеными работами, насколько усилился и расширился свет истины со времени основания этих благотворных учреждений. Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить

целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.